

МИХАИЛ
ЖВАНЕЦКИЙ

Кто я такой,
чтоб не пить

Михаил Жванецкий
Кто я такой, чтоб не пить

«ЭКСМО»

2015

Жванецкий М. М.

Кто я такой, чтоб не пить / М. М. Жванецкий — «Эксмо», 2015

В эту, пятую, книгу вошли трактатики, написанные после 2000 года. Автор

© Жванецкий М. М., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Двадцать первый век	6
Куда-то в две тысячи... год	7
Радость нашего времени	9
Что с раем?	9
Менеджерам России	11
Август	13
Клубится снизу	15
Ко Дню юмора	16
Нарьян-Мар	18
«Народ мечется в стране...»	19
Помолчим	19
Полная порядочность	20
Итак	21
Ну клянусь, жизнь стала лучше!	21
Круговая порука	23
Тэфи-03	24
Наше лето	25
Новые времена, или Игра «Что? Где? Когда?»	27
Я не знаю, кто я	28
Кто это?!	28
«Я пишу...»	29
«Прибыл корреспондент из Томска...»	29
Защита прав потребителей	30
Катер «Варна»	30
Самолет	31
Наши изобретения	32
«Как переменялось время...»	33
Бизнесмену	34
Наши люди	35
«И спрашивают нас...»	35
Кем хочешь быть, дед?	35
Сделка в Костроме	36
Свобода!	37
Вы запретите, тогда мы скажем	38
Скоро будет хорошо	38
Распространение марксизма	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Михаил Михайлович Жванецкий

Кто я такой, чтоб не пить

© М. Жванецкий, 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Двадцать первый век

В эту, пятую, книгу вошли трактатики, написанные после 2000 года. Спасибо издателю, отдельное спасибо Виталию Наумовичу Борисову за помощь и Олегу Леонидовичу Сташкевичу за содействие в распределении сил.

Автор

Куда-то в две тысячи... год

Мы дожили, это главное. Мы на перепутье, мы не можем стать такими, как другие, нас многое отличает. Мы лежим, сидим, валяемся, но на правильном пути.

На пути, которым прошли все. Здесь нет ошибки. Бандитизм, проституция, воровство и продажность – расплата за мир. Войной можно все это уничтожить, мир все это допускает.

Свобода поначалу имеет такое выражение лица. Нам продают то, что мы покупаем. Значит – мы такие. Продавцы лживы и лукавы. Но у них есть свои продавцы. Нам открылся другой мир, где мы – спрос. Мы и формируем то, что нам показывают и продают.

Но нормальная жизнь в нестоптанных туфлях с сытым желудком – уже здесь. Мы открыли дверь и вошли в нее. Каждому есть что делать. Один снимет кино, второй смотрит. Таков расклад.

Расплата за богатство: изоляция, охрана, стресс и риск не вернуться домой.

Расплата за бедность – масса свободного времени, любовь, дружба, легкое перемещение в пространстве и мечта разбогатеть, чтобы отведать сказанное выше.

Есть еще артисты, мотающиеся по клубам всю новогоднюю ночь, выходящие с двумя шутками и одной песней тридцать два раза за ночь. Кто им завидует – тоже плохо знает жизнь.

Исчезла дружба, появились конкуренция и скрытность, потому что один стал резко отличаться от другого. Однако есть возможности у всех, при наличии мозгов или мышц можно жить где хочешь.

При отсутствии этого – можно жить только здесь, выбивая зарплату хитростью или голодовкой.

Можно осесть на своей земле, понять и возделывать ее, чтобы не созерцать чужие моллюски в кляре и чужое вино, от которого не одна истина рождается в споре, а две. Поэтому пить, есть и целовать нужно только свое.

Наш человек задачу любит, а непосильную задачу просто обожает, что показал опыт строительства социализма в отдельно взятой стране. Ну ничего особенного не построили, но имидж в мире себе здорово подняли. Хотя и отстали в обеспечении друг друга продовольствием, обувью и одеждой. Поэтому на БАМ ездили не только по велению сердца, но также и жены, пославшей мя.

БАМ стоит, Братск стоит, Колыма зовет, все ждет практического применения.

Разбогатевшие люди нас раздражать не должны, только на их фоне мы чувствуем себя честными и порядочными, если это еще кому-то нужно.

Кроме совести, литературы, балета и прочих непрактичных достижений, у нас есть главное, что должно нас накормить и одеть – у нас есть наша страна, к штуцерам и шлангам которой припала масса цивилизованных народов. У нас есть земля, которая была ничьей и так же выглядела. Настоящая семья – это муж, жена, дети и их земля. Они хозяева не «на этой земле», как писали раньше, а «этой земли». Чтобы было, что передать детям. Когда нет своей земли, мы как мухи на куске мяса – «кыш!» – и взлетели. «Пошли вон отсюда» – и пошли вон отсюда далеко-далеко, где что-то можно купить за свой ум или тело. Выпьем за привязанность к стране, за превращение страны в Родину, за минимум контактов с властью, с медициной, с милицией, с прессой, с телевидением, со всем, где можно узнать то, чего мы не хотим. Август вычеркнем из календаря, пусть будет июль-два, лишний летний месяц нам не помешает.

Мы видим, что происходит, если кому-то мешать жить на этой земле: у нас все время идет бессмысленная и показательная война.

Ценности остаются прежними: ум, порядочность, ребенок, мысль. И счастье – когда ты из дома спешишь на работу, с работы спешишь домой.

А неприятности будем переживать по мере их поступления, а еще лучше не переживать, а идти дальше.

Ибо сегодняшняя цель ясна: там уже живут.

Радость нашего времени

Что с раем?

Я обнаружил в наши дни весьма печальное явление: люди перестали стремиться в рай. То ли потому что он недостаточно красочно обрисован. То ли потому что описание его недостаточно конкретно. Ад понятнее.

А рай: птицы, аромат, равенство, житие по потребности, всеобщее благоденствие и братство...

Что-то нам напоминает.

Как бы не то что мы там будем, а как бы даже уже были.

Отсюда отсутствие стремления, недоверие к высшей власти.

Как-то что-то надо переработать в исходных данных.

Настолько мы уверены, что это невозможно осуществить, что многие, если не все, начинают работать в одиночку, пытаясь достигнуть райского состояния дома, невзирая на скандалы, порочное распределение средств и появление врача в неурочное время.

Рай – учат нас – блаженство коллективное, вот ад – наказание индивидуальное.

Но наши люди, прошедшие через это все, утверждают, что именно ад – решетки, зоны и так далее – дело коллективное.

А рай – как странно! – занятие частное, индивидуальное, внутри забора, внутри дома, путем отсекаания ненужных глаз, сообщений и «последних известий», которые не становятся последними, невзирая на собственные обещания.

Подумайте, что вы можете предложить человеку на лыжах, в самолете, с самолета на вертолет, с вертолета на снежный склон, со склона во французский ресторан на жарком берегу с любовницей вместо жены...

Что вы в раю ему придумали?

О Боже!

Там вообще нет женщин в том виде, как мы к ним привыкли.

Они там собеседницы, библиотекари, сотрудницы собеса.

Они там наконец на равных.

А это, извините, для кого?

Не надо никому принадлежать.

Мы и сейчас не верим: «Я твой», «Твоя», «Навеки!».

У любви часы совсем другие.
Но у любви!..
Сейчас твоя – сейчас и наслаждайся.
Любить бы надо.
Боюсь, там нет любви, чтоб избежать скандалов, дуэлей.
Прогулки коллективные, беседы.
О чем?
Когда все ясно.
Все истины добыты в спорах на земле.
Там же споров нет.
Там для спокойствия в библиотеке три тонких тома. Первый – Истины.
Второй – Законы.
Третий – Сути.
Денег нет.
Сел к стойке – выпил.
Не опьянел.
Добавил – тот же результат.
А чем снять скуку?
Свалился тут же на диван, уснул, приснился сон – проснулся:
– Да!
Заснул.
Проснулся:
– Да! Я там же. Я во сне.
Проснулся, не проснулся.
Застрелиться невозможно.
С Достоевским переговорил.
Хотели что-то умное, но истины уже известны, сути названы, конфликтов нет.
Федор Михайлович сидит в углу, угрюмый.
На ваше: «Здрасьте, я в восторге от последнего сериала» – не ответил.
Шагал рисует и практически выбрасывает в урну...
Нечего сказать, хорош рассвет в конце тоннеля.
Единственное – тишина!
Ну, молодежь покойная там что-то подобрала, включила и трясется под стуки мельничного колеса.
Такая вот теоретическая жизнь.
Кому ее навяжешь?!
И люди, особенно прошедшие борьбу за благосостояние, равенство и братство в СССР, сказали:
– Стоп! И помолчи!
Дай разберусь! Дай заработаю! Другим дам заработать.
Куплю, чего там движется, баюкает, стрижет, купает, гладит, полощет, массирует, целует, улетает, перелетает из зимы в жару, готовит вкусные обеды, красивый стол на пляже, где море, пальмы, баобабы.
Дай поупотребляю, почувствую и подготовлюсь.
А ты пока там поработай над раем – придумай что-то нам такое, что мы не знаем.
Какую-то такую фишку, штучку, обстановку, чтоб мы туда стремились.
И стали, начиная с сентября, порядочными, добрыми, красивыми душевно.

И, душу чистую в руках неся, сказали: «Отвори, Всевышний! Это я – придурок со своей душой. Ты знаешь, то ли был прибой, то ли волна, а я на серфинге в Гавайях, и, представляешь, смешная штука – утонул. В общем – здравствуй! Как бы, типа, – добрый день!»

Менеджерам России

Речь на съезде

Начинаю разговор.

В нашей речи при прежней жизни мат шел на каждом восьмом слове, сейчас на каждом четвертом. Значит, резерв для улучшения жизни еще есть.

Разрешите мне от моего имени приветствовать съезд лучших менеджеров России.

Удивительно, как наша жизнь почти бескровно поменялась на прямо противоположную, где менеджер – это профессия, а директор – положение в обществе.

Где менеджер может руководить баней, театром, банком и заводом.

Где слово «спекулянт» стало работой, а не увлечением.

Слово «бизнес» уже не означает торговлю джинсами в подворотне. И даже подпольную окраску пенсионных штанов в синий цвет. А шитье джинсов на фабрике, со станками и подъездными путями.

Как время поменялось на прямо противоположное бескровно!

Отдадим должное Ельцину, Гайдару, Чубайсу и другим нашим, ставшим вашими, то есть топ-менеджерами.

Топ, топ-топ, топ-топ-топ – не так уже долго, тринадцать лет.

И другое поколение заполонило вокзалы и кафе.

Я и говорил когда-то: главное – обеспечить всех штанами, потом будем бороться, чтобы их носили.

Я понимаю всех, кто хотел отвести этот корабль подальше от коммунизма в море – там разберемся.

Правильно, Анатолий Борисович.

И пусть сейчас крики: «Неправильно! По дешевке! Воровская приватизация!»

Но мы-то уже не там.

Мы в море.

Где плывут все, а не сидят с криком на берегу: «Покажите нам дорогу!» – причем кричат, сидя неподвижно.

Но надо объяснять людям, что с нами происходит и что нас ждет.

А наша публика особая.

Сколько я просил со сцены:

– Давайте вместе. Вот я читаю монолог, а потом все вместе: «Нормально, Григорий? –

Отлично, Константин!»

Как я ни надрывался – зал молчал.

Зато в антракте все:

– Нормально, Григорий? – Отлично, Константин!..

Через год придет человек и скажет: «Как вы правильно сказали летом прошлого года!»

На вашу долю достался тяжелый неповоротливый паровой рыдван.

Все вокруг бороздят на дизелях и турбинах, а эта глыба со свистком долго стоит на месте, хотя все на мостике кричат:

– Полный вперед! Я сказал – полный вперед!.. Я кому сказал?!

Снизу:

– Вот кому ты сказал – пусть и едет! Он уволился давно. Он, сука, уехал. Он семечками на Брайтоне давно торгует, а команды ему поступают.

– Я сказал – полный вперед!

– Это на такой зарплате – полный вперед? Ищи другого идиота!

Уголь с парохода разворовали. Руль ушел на металлолом. Винты на бронзу...

Кстати, как изменилась жизнь – все достижения советской власти успешно идут по цене металлолома. Значит, не напрасно мы вкалывали столько пятилеток.

Вот вам достался пароход с такой командой, пугливым бизнесом и бесстрашной прокуратурой, которая, с одной стороны, находит все, что хочет, а с другой – ничего не может найти.

Вам достались начальники, как камни на своих местах.

У него в глазах написано:

– Без меня вам нельзя, а со мной у вас ничего не выйдет.

Выбирайте.

Это Россия – страна неограниченных возможностей и невозможных ограничений.

Страна, где все делается через палку в колесе под завистливым взглядом братьев по разуму: «Попробуй, попробуй, а вдруг у тебя ничего не получится?»

О чем говорить, когда наших нобелевских лауреатов выдвигают не свои, а зарубежные ученые.

Понятна атмосфера добра и поддержки.

Все хорошее у нас приходится делать через проклятия.

Но в антракте – вас вспомнят все.

Что касается управляющих, то на Русской земле их было два типа: самодуры и самородки.

Первые только что были и не устают проклинать вас со всех площадей, вторые – в этом зале.

В отличие от первых вы знаете главное: чтобы производилась работа, необходим перепад либо высоты, либо денег, либо таланта, либо давления.

Когда все на одном уровне – расцвет застоя, барды в лесах, балет и плохой ресторан.

Благодаря вам сегодня на свет выходит работа, ее поиски, нахождение, вгрызание в нее и проявление себя...

Списывать не у кого, Ленина нет.

Америка далеко.

Политика становится уделом тех, кто ею занимается, раз в четыре года обещая нам счастливую жизнь под своим руководством.

Самое большое достижение, ваше и наше – люди отошли от политики настолько, что коммунисты уже никого не раздражают.

Их агитация идет не за свои убеждения, а против ваших убеждений.

А убеждений «против» не бывает.

Второе достижение – люди в России стали разными.

Это видно даже в парламенте.

Хотя круглосуточная автомашина и штат секретарей здорово отупляют.

За новую жизнь платит «откат» Россия. Это вам понятно. «Откат» Россия заплатила культурой. Культура, искусство обожают тюрьму и рассыпаются вместе со свободой.

Сейчас, чтобы петь, нужен либо слух, либо голос. А раньше – и то и другое.

Раньше читать было интереснее, чем жить.

Сейчас наоборот.

Сегодня нам пишут женщины!

По сорок романов в месяц.

Женское писательство напоминает бюро машинописи, где сидели одни женщины и оглушительно стрекотали, а им подносили все новые тексты.

Теперь подносить перестали.

Но они так же бешено стрекочут. Наши любимые.

И все такие кровожадные! По сто трупов в каждом произведении.
Вот где они раскрылись!..

Надо привыкать к новому ТВ, где не поощряется показ лета, и фонтанов, и смеющихся людей.

Это, оказывается, не любят сами люди, и по их просьбам идут ливни, обвалы, пожары и катастрофы.

Это интереснее, особенно по дороге в психбольницу.

Но не это главное.

Дорогие управляющие!

Я счел за честь выступить перед вами.

Вы новая Россия и есть.

И если перестать выть и искать плохое, я сам не понимаю, как быстро вы во всем разобрались.

Мы были первыми, когда шли назад.

Мы стали задними, когда пошли вперед.

Теперь все дело в скорости.

Август

О той булгаковской разрухе, что начинается в головах.

Она появляется от противоречий.

Между слышимым и видимым.

При советской власти в одной голове не совмещалась счастливая жизнь с очередями, муками, тюрьмами и закупкой хлеба у капиталистов.

Сегодня в одной голове не совмещается несчастная жизнь с миллионами авто, полными магазинами и избытками зерна.

Разруха возникает от лжи, от несоответствия увиденного и услышанного.

Прежняя привела к повальному – вору у государства, забирай свое.

Лежит – поднял.

Висит – оторвал.

Приварено – отбил.

Это была первая, булгаковская черно-белая разруха.

Сегодня мы дожили до праздничной цветной разрухи в головах.

Лозунг «Другие уже украли, мы опоздали опять» породил невиданную энергию.

Украсть у вора – задача для виртуоза. За дело взялись спортсмены, чемпионы, каратисты.

Припадок осознания «все всё уже украли» – не вмещается в голове, доводит до слез, до истерики.

Ученые – святые люди. Ничего, кроме науки.

Нет! Оказались нормальными. Родина здесь, а платят там – рванули туда, не ожидая, пока Родина очнется.

Писатели – святые люди.

Тюрьма сосредотачивает на творчестве. Тоже оказались нормальными.

Мы здесь – а деньги где?

Стали писать быстрее, мельче, короче, матом, выстрелами и плохим языком для лучшего проникновения в душу покупателя.

Поняли, что книгу читают не читатели, а покупатели.

Это у взрослых.

Юное поколение, видя блестящие журналы и блестящие авто, что им кажется признаком счастливой жизни, даже не колеблется между воспитанием и увлечением.

Вот же оно! Раньше за заборами, теперь вывалилось на тротуар.
И такое восхитительное количество трупов, такое изумительное море крови.
А еще говорят, что это жизнь, что это свобода, что за это боролись.

Вот так из одной разрухи попали в другую. Сидели в Бухенвальде, наконец с боями пробились в Освенцим.

Учитель за двадцать долларов ставит пятерку, преподаватель за пять тысяч провожает на медаль, за десять тысяч принимает в вуз.

Суд за тридцать тысяч посадит, за пятьдесят тысяч оправдает. Следователь за три тысячи обвинит, за пять тысяч отпустит.

Министр берет со всего, что происходит под ним: пять миллионов за сделку во вред стране, десять миллионов за сделку на пользу стране. Один миллион – за то, что сделка не состоялась. (Цифры вымышлены мной.)

Телевидение, время от времени завывая о зажиме свободы, добывает и уничтожает остатки приличий, остатки совести, заставляя всенародно рассказывать гадости о муже, о жене, сочиняя, выдумывая чью-то жизнь.

Это горе одинаковое, когда все можно и когда все нельзя, когда стреляют сверху, когда стреляют снизу.

Снизу палачей не меньше.

Тут кто-то затосковал о политсатире.

Мол, почему не занимаются.

Как не занимаются?

А что же делает вся страна, все газеты, все радиостанции Советского Союза?

Это сейчас самое легкое, самое приятное, самое денежное, самое безопасное занятие.

Разве сатирики наши не называли президента как угодно и даже «крошка Цахес»... И что?

Никакой реакции – ни черной, ни белой, ни всенародной.

А с другой стороны, что должен сделать президент, чтоб крошкой Цахесом не быть?..

В голове высмеивающего все-таки должен быть какой-то план, хотя бы приблизительно, чего бы ему все-таки хотелось в этой стране.

Когда с властью воюют, неотрывно ошиваясь возле нее, питаясь из ее рук, зарабатывая на разоблачениях власти, полученных от нее же, это жутко смешно и слегка нечестно и сеет вот эту разруху в головах, о которой мы говорили выше, ниже и как раз здесь!

От власти бы ни дальше, ни ближе. А на расстоянии вытянутой руки.

Пусть они сначала сами по капле выдавят из себя рабов, постаравшись не закапать всех нижних, а потом приходят к нам.

Худший вид рабства – неотрывно смотреть на власть, страстно комментируя движения пальцев ее ног.

Полчища политологов занимаются разгадкой пальцев ног – и при этом прекрасно выглядят.

Кто их всех содержит? У кого они берут деньги на пропитание? И как нам быть внизу? И кого выбирать? И что нас ждет?..

Сегодняшняя жизнь для массового жителя распадается на три крупных раздела:

1) поездки президента;

2) август;

3) игры в буквы на деньги, где молодые крупье тепло следят за мучениями пожилого, желающего прокормиться за счет своей памяти.

А так – ничего, ничего...

Убитые лежат.

Убийцы гуляют.

Обворованные и избитые как-то живут дальше.

Август надо поименовать месяцем траура навсегда.

Это наш всенародный понедельник, наше тринадцатое число, наш месяц сбора плодов армии, авиации, флота.

Самая тяжелая задача – чтоб между трауром и праздниками была какая-то разница.

И наконец о том, что мне нравится... Человек, который под Петербургом открыл ресторан, на прибыль создал в Павловске лицей по примеру Пушкинского. Там учатся восемнадцать прекрасных юношей, они обучаются всему, чему учил Царскосельский лицей. Живут вместе, слушают лучших преподавателей, учатся музыке, языкам, дипломатии, литературе.

Зовут создателя лицея Сергей.

В этих юношах и в Сергее мне показалось будущее России, о котором они сами, вдруг, без всяких причин, подумали сегодня.

Клубится снизу

Черные клубы дыма перемещаются то вверх, то вниз.

Посветлело сверху – сразу начинает клубиться снизу. Грабежи, убийства, погромы.

В ответ начинает темнеть сверху. Аресты, запреты, ссылки, расстрелы.

Темнеет сверху.

Чуть светлеет снизу.

Какой смысл в разбоях, если сверху все отняли. Окончательно темно вверх.

И тут зажигаются огоньки.

Один, второй, третий.

Их тысячи, миллионы.

Начинает светлеть сверху от колеблющихся слабых человеческих огоньков, и тут наступает самое золотое время.

Когда светлеет верх и еще не темнеет низ.

Но человек долго не пытаться не может.

Он начинает пробовать вперед, вправо, влево. Кто-то, попавший случайно на кучу чего-то, пробует присвоить.

Кто-то присвоил.

Кто-то стерпел.

Кто-то еще присвоил.

Кто-то еще стерпел.

«Но ведь я же честный», – сказал он себе.

Как долго он себе это может говорить?

Допустим, пять лет.

Срок достаточный, чтоб убедиться, что он проиграл.

И он тоже начинает пробовать.

Но эти пять лет не прошли даром не только для него.

Другие с криком «Это нечестно!» расхватили остатки.

Он пару лет интенсивно носится.

Но что ему достается после семи лет отсутствия на рынке?

Тачка, кепка и собственные крики: «Па-берегись! Ноги! Ноги! Дамочка!»

Даже в подаче первых блюд ребенку мэра все занято.

Он тратит еще два года на потерю настроения, на высматривание отвратительных обеспеченных щек, и ему уже все равно, толстые они или худые.

Хотел он этой жизни или не хотел.

Он окружен врагами.

Он опускается и начинает темнеть.

А сверху, ввиду того что грязь ушла вниз, становится чисто, светло, взяточно и, в общем, доброжелательно.

Им нечего давать другим.

Им – только брать себе.

И начинает клубиться снизу, и начинает темнеть сверху.

И землетрясения в этой стране происходят над и под тобой.

И это продолжается, пока жизнью не станет та середина, которую все называют золотой.

Ко Дню юмора

Весна. Одеваются деревья, раздеваются женщины.

Все наступает. Все отступает.

В общем – Первое апреля. Профессиональный праздник тех, кто смеется, и тех, кто смешит. В этот день мы бросим всеобщее увлечение – искать смысл в происходящем. И повеселимся.

Пусть ищут те, кого мы туда выбрали. Они и так выглядят лучше нас. Как только мы их выбираем, в них пропадает страдание и появляется радость. Значит, мы не ошиблись.

Мы настолько точно выбираем не тех, что уже не стоит беспокоиться.

Между философом и политиком разница проста: политик не сообщает вам свои мысли – он угадывает ваши.

Угадать может. Осуществить не может.

Поэтому мы живем хорошо: немножко бедно, немножко плохо, немножко хочется повеситься. Но все это чуть-чуть.

Первое апреля – День смеха.

Смешно уже давно, теперь наша задача, чтоб стало весело.

Мало нам было чиновников, к ним добавились олигархи.

Все мчатся мимо, горя синим огнем. А мы радостно шуруем по обочине в поисках денег, оброненных ими.

В экономике разбираемся слабо. Вот, говорят, наш шпион нанес ущерб США на несколько миллиардов долларов в пользу России.

«Где же деньги?» – спрашиваем мы.

В стране появился гениальный человек – наш чиновник. Сам пишет правила игры. Сам выходит на поле. Сам играет. Сам меняет правила во время игры до тех пор, пока не выиграет. Затем идет в отставку президентом банка и уже встречается на банкетах в бабочке и темных очках.

Весна – одеваются деревья, раздеваются женщины.

Наши олигархи за неимением воображения пошли по старческим стопам Политбюро.

Так же живут в бункерах.

Так же мчатся параллельно с извозчичьим криком: «Посторонись! Большая жизнь летит, блин, мимо!»

Их с чиновниками объединяет стремительная потеря юмора, курлыканье типа «порешаем вопрос», «обналичим откат».

И второе поколение жен.

В среде олигархов самый бестактный вопрос: «Это ваша дочь?»

В школу приводят двоих: в десятый класс – сына, в восьмой класс – жену.

Ходят в охране. Шутят в охране. Едят в охране. Плачут в охране. Они учат охрану носить галстук, охрана их учит носить бронежилет.

Хотим ли мы такой жизни, друзья?

Да! Хотим!

С Днем смеха вас!

Мы знаем, что низкое качество жизни рождает высокое качество юмора. Сегодня юмор стал хуже... Значительно, отвратительно хуже. Значит... Ну?... Возможно...

Сегодня нас смешат женщины грубыми шутками про половые органы. Мужчины нежно поют о чем-то своем, девичьем, в мехах и ожерельях.

Но все равно в юморе мы, как всегда, впереди всех. Как говорят в правительстве Грузии: «Из всех наших ущелий это – самое стабильное!»

В общем, весна – одеваются деревья, раздеваются женщины.

К реформам у нас отношение сложное.

В реформах мы пока не участвуем. Ждем, когда они закончатся, чтоб разыскать и обналичить.

Рынка пока нет, но базарные отношения уже сложились.

– За такие деньги одиннадцатиметровый не берут, – твердо заявляет тренер. – И в правый верхний за такие деньги никто бросаться не будет.

В общем, ценности окружающего мира уже начали поступать.

Когда ведущий концерта заявил, что для него в человеке не главное образованность, воспитанность и ум – в зале грянула овация. Это приятно.

Президент наш тоже с юмором, хотя в последнее время к нему стало примешиваться легкое раздражение. Видимо, мы чем-то его раздражаем. Обидно. Так хотелось долгой совместной жизни...

Ему повезло больше, чем нам. Его шутки встречают хохотом еще до произнесения. Но шутит он хорошо. Отдадим должное, мы ж не дундуки безмозглые. Встретим его шутку сверху хорошим анекдотом снизу. Про него же, чтоб не отвыкал. Проверять, смешно или нет, будем сначала на животных.

Весна – расцветают деревья, распускаются женщины.

Но все-таки, когда РАО ЕЭС вырубает свет, сразу наступает советская власть – без видео, без дискотек, без рекламы.

Благодаря низкому качеству строительства, если стена в квартире стала теплой, значит, кто-то лег с той стороны.

Весна – поют птицы и женщины.

Новая жизнь здесь. Мы уже давно живем по-новому и мы бы давно это почувствовали, если б не зарплата. Эта сволочь нас тянет назад.

Для увеличения зарплаты населению будут розданы специальные увеличительные стекла и специальные лупы для разглядывания продуктовых корзин.

Далее. Средняя жизнь мужчины в нашей стране – 58 лет.

Чудесный возраст.

Это расцвет.

Это интеллект.

Это даже сексуальный расцвет.

Мужчина в 58 только начинает жить.

Жаль, что приходится тут же заканчивать.

Но надо. Статистика неумолима!

Весна, тают льды, твердеют женщины.

Сегодня над нашей жизнью можно смеяться сколько хочешь. Это главное завоевание и есть. Пока оно с нами, жизнь может быть тяжелой, плохой, но не такой противной и оскорбительно рабской, как вчера.

Вот за это выпьем. Как говорил начальник одесской канализации, выпьем за дерьмо, которое нас кормит.

Нарьян-Мар

– А где вы, девушка, живете?

– В Нарьян-Маре.

– А ваши родители?

– В Нарьян-Маре.

– А чем они занимаются?

– Они в Нарьян-Маре.

– И как они живут?

– Как все в Нарьян-Маре.

– А не хотели бы затеять какое-то дело?

– Нет. Они же в Нарьян-Маре.

– И что будет?

– А что может быть в Нарьян-Маре?

– Ну, может быть, учиться пойти?

– Где? В Нарьян-Маре?

– Ну уехать, в конце концов.

– Из Нарьян-Мара?..

– Ну а что же там сидеть?

– А где сидеть?

– Ну за границей.

– А кто же будет сидеть в Нарьян-Маре?

– Ну, значит, надо там жизнь налаживать.

– Где, в Нарьян-Маре?

– В Нарьян-Маре, а где же еще?

– Откуда я знаю, где еще? Мы ж в Нарьян-Маре.

– Ну и возьмитесь, соберитесь, выберите толкового мэра.

– Где, в Нарьян-Маре?

– Да. А что тут странного? И начинайте жизнь.

– Где? В Нарьян-Маре?

– А чего плакаться? Соберитесь, договоритесь, наладьте...

– Где собраться? В Нарьян-Маре?

– Да, там, а где ж еще? Там же хоть что-то интересное есть?

– Вы что? Это же Нарьян-Мар.

– Значит, так и будете жить?

– А как еще жить в Нарьян-Маре?

«Народ мечется в стране...»

Народ мечется в стране, спрашивает, как жить. Сегодня в поликлинике по кабинету ингаляции медсестра ходит:

– Правильно наденьте маску.

И идет дальше.

– Вы неправильно надели маску.

И идет дальше.

А все в масках, а три минуты бегут.

А как правильно?

Так и всё в нашей жизни.

Нам говорят:

– Вы неправильно делаете.

И уходят.

И мы не делаем никак, чтоб не ошибиться.

Помолчим

Ко мне в самолете подошел человек.

Ну, чтобы вы его увидели... Я опишу...

Но нет. Я не даю изображений.

Это был полный молодой парень лет тридцати. Бритый – небритый?..

Что это объясняет?

Для чего его нужно видеть, не пойму.

Слушайте...

– Можно, я вас оторву на секунду, – сказал он.

– Да, пожалуйста.

Он присел рядом и задумался минут на пять... Время шло... Мы летим.

– Вот, скажем... – Он думал. – Что должен человек...

Он думал, глядя через меня в окно...

Я молчал.

Молчание стало мерзким.

– Что должен человек после себя... – Он задумался.

– Оставить? – встрепенулся я.

– Нет, – он задумался. – Вот человека окружают... – Он задумался.

– Дети? – напомнил я.

– Нет... Нет...

– Почему нет? – спросил я.

– Нет.

– Хорошо...

Он молчал.

– И человек должен после себя... Короче... Возьмем правительство... – Он замолчал.

– Ну?..

– Я знаю многих лично... И поверьте, если во мне что-то было хорошее... – Он замолчал.

– Ну, – сказал я.

Он думал.

Или вспоминал.

Человек, который думает, и человек, который вспоминает, выглядят по-разному.

Этот думал...

– Извините, – сказал я. – Я в самолете. Я должен лететь дальше. Мы можем...

– Нет-нет, летите, – сказал он.

Он думал в моем присутствии. Он долго молчал. Я задремал.

Когда мы вышли из самолета, я догнал его.

– А почему вы решили по поводу правительства, что именно мне... – Я задумался.

Он пожал мне руку.

– Приятно было... – И задумался.

– Да, вы вообще... – Я замолчал.

– Да уже все сейчас, – сказал он.

– Даже больше... – задумался я. – Вы сейчас куда?

– Есть тут... – Он замолчал.

– Я к вам приду... Мы должны поговорить... Главное, что мы думаем одинаково...

– Мы уже почти...

– Да... Там немного осталось...

Мы молчали...

Мы думали...

Нас объезжали...

Площадь пустела...

Полная порядочность

Акционерное общество «Полная порядочность» заключает договоры с пожилыми людьми, облегчая им жизнь и старость, вернее, старость и жизнь.

После заключения договора вы можете продолжать жить в своей квартире. Вы можете продолжать носить свои вещи. Вы можете продолжать пользоваться своей кроватью практически в любое время.

Заключая договоры с пожилыми людьми, фирма «Полная порядочность» извлекает выгоду только для противной стороны, то есть для вас.

К вам могут приходить гости и после заключения договора. Вы вправе принимать их, где вы хотите, даже в своей квартире.

Наша задача – как-то облегчить вашу старость.

Мы понимаем, как одиноко чувствует себя немолодой человек в собственной квартире в хорошем районе со всеми удобствами.

Мы поможем вам провести последние часы весело, в прекрасно подобранной компании наших сотрудников, среди которых есть и нотариусы, и работники ритуальных служб, прозекторы и просто квалифицированные наблюдатели за здоровьем и поведением натерпевшегося человека.

Вручите нам вашу старость, и вы свободны!

Итак

Итак! Кого мы выбираем:

1) сегодняшних начальников – 30 %.

2) вчерашнюю жизнь – 20 %.

Грубых, наглых и бессмысленных, прикидывающихся патриотами, которым нельзя ни верить, ни доверять – 10 %.

И чуть-чуть интеллигенции, которая умеет соображать, но не умеет руководить – 6 %.

И вот это поющее, свистящее, кудахтающее и плюющее кодро мы сажаем в одно помещение с целью выработки приличных законов поведения населения.

Это, как говорила моя тетя, дивная, дивная публика.

Чудная, чудная, неповторимая.

Я согласен, чтоб стихи писали одни, а командовали другие.

Но нам надо выработать в себе такую суть, чтоб диктатура была невозможна у нас.

Чтоб в этом заверяли не они нас сверху, а мы их снизу.

Мы должны быть такими, чтоб нас не сажали и не убивали.

Сажают и убивают, когда все пасутся на лужайке, не замечая, как рядом жрут их товарища.

Попробуем представить диктатуру в Швеции, или Голландии, или Англии.

А теперь у нас? Ага!

Сегодня самым смелым, самым отчаянным, самым продвинутым сказали:

– Не будет у нас диктатуры, это невозможно.

– Спасибо, – сказали они.

– Спасибо вам, – сказали им.

– Нет, это вам спасибо, – сказали они.

– Нет, вам, – сказали им.

– Нет, что вы, что вы, это вам такое огромное.

– Нет, вам спасибо.

Так кто кому говорил – в этот раз?

Говорите громче – я целуюсь, не слушаю ответ.

А в общем, я буду жить так, как хочет народ России.

Я уже жил так и буду снова, если это случится.

На машинах я уже поездил.

В пробках стоять все равно на чем – хоть на «Порше», хоть на «Жигулях».

Устрицы мне не нравятся.

Раков я наловлю сам, как и все остальное, что я ловил в своей жизни, – хотелось мне этого или нет.

Ну клянусь, жизнь стала лучше!

Монолог мэра

Жизнь стала гораздо лучше. Ну клянусь.

Ну поверьте.

Ну я правду говорю.

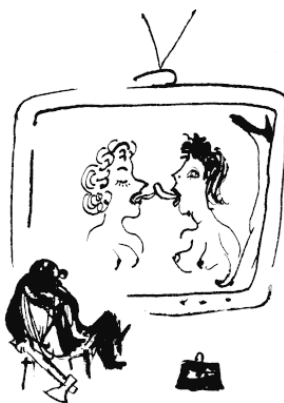
Ну вот мамой клянусь – жизнь стала лучше!

Вот с места не сойти.

Вот убей на месте.

Вот глаз отдам.

Лучше стало жить...
Маму не видать.
Чтоб я с этого места не встал.
И разрыв между богатыми и бедными уже так сократился... Ну нет его... Слились!
Вот правду говорю.
Клянусь.
Век свободы не видать.
Вот у кого хочешь спроси.
У пацана моего, у Сереги-братана обо мне спроси. Циферблат врал когда-нибудь? А кому-нибудь?
Всё, пацаны.
Клянусь, и общий уровень жизни, и валовой продукт, и реформа ЖКХ, и всеобщий про-
фицит, и непрерывный подъем уровня жизни.
И отечественное производство растёт...
Ну я правду говорю.
Что ты, сука, смеёса! Что ты смеёса!
Если я тебе говорю, сука, что население радо – радо население, значит, сука, радо!
Ты меня знаешь. Ты, сука, за меня голосовал.
Тогда сиди и не вякай.
И ребра сам себе непрерывно пересчитывай. И позвони, сука, все ли ребра на месте...
А размножение населения, то есть прирост уровня населения в нашем городе увеличился
на треть – мамой клянусь...
Кто говорит?
Я говорю.
Какая статистика, блин?
Я – мэр.
Я тебе сказал – клянусь.
А свою статью засунь себе...
Сам засунь...
На моих, сука, глазах...
И переваривай ее, сука, с другой стороны...
Если ты, мой сотрудник, мне на слово не веришь, под утюгом согласишься.
А джипом на большой палец ноги?!
Чтоб ты, сука, верил мэру.
Мэр сказал!
Клянусь мамой!
Не знал бы, если б людей не спрашивал.
Лично прямо в город выезжали.
Выходили из джипов, останавливали и интересовались:
– Как живете, суки, по новой?
Все ответили:
– Класс!..
– А разрыв в богатстве есть?
Все ответили:
– Слились.
Всё! И, пока не отъехал, с такой любовью лежали... Фамилию телами изобразили:
Циферблат.

Круговая порука

- И куда мне жаловаться?..
- Ему... Он обязан рассматривать жалобы граждан.
- Обязан. А иначе что с ним будет?
- Ничего. Просто обязан, и всё!
- Да. Значит, обязан рассматривать. И он их рассматривает?
- Рассматривает.
- Весь день рассматривает?
- Да.
- Рассматривает или разглядывает?
- Они к нему поступают...
- И он их разглядывает?
- Я сказал – «рассматривает».
- И он обязан их рассматривать, рассматривать, рассматривать, чтоб что-то рассмотреть?
- Обязан.
- Иначе что с ним будет?
- Обязан, и всё! Что будет, что будет. Вот то и будет, что обязан будет рассмотреть.
- Всю жизнь?
- Да. Всю жизнь.
- А как он реагирует?
- Как захочет.
- Кричит, или пьёт, или ругается, или песни поет?
- Как захочет.
- Но обязан?
- Да.
- Это его работа?
- Да.
- А дома он может реагировать?
- Думаю, да.
- Ну тогда это удобно. Хочешь – дома реагируй. Хочешь – на работе. А в поездке можно?
- Можно.
- Всё, тогда езжай себе куда хочешь. Оттуда реагируй. По дороге можешь... А если забыл?
- Он обязан.
- Ну а он забыл. Что ему будет?
- Обязан – значит, обязан. Кто ему позволит забыть? Забыл – значит... Всё!

- Что – «всё»?
- Всё! Напомнят.
- Кто?
- Кто надо.
- А это кто – «кто надо»?
- Их много.
- И все напомнят?
- Да.
- А они что, не могут забыть?
- Как же они забудут, если они пишут жалобы.
- А он их рассматривает?
- Конечно.
- Тех, кто пишет?
- Да.
- Так они неразлучны?
- Практически да.
- И как называется департамент?
- Отдел непрерывного поступления и рассмотрения поступающих жалоб населения на рассмотрение дальнейшего поступления реакции руководства отдела поступления.
- А зарплата у них большая?
- Нет.
- А жалоб много?
- Да.
- И что они делают?
- Пишут жалобы на свою маленькую зарплату.
- И эти жалобы идут им же?
- Конечно.
- Прекрасная работа.
- А они жалуется.

Тэффи-03

Это же смешно.

Лежим и смотрим, как на экране носятся, прыгают, плавают, поют. И жалуемся.

И пишем фельетоны.

А если и они захотят лежать, кто будет носиться на экране?

Скажи спасибо, что есть чего включать.

Что кто-то не лежит в этот момент, а электричество тебе дает сзади в штепсель, чтоб он впереди на экране завелся и заголосил.

Что кто-то тебе бесконечный сок показывает, бесконечное пиво. Пей, мол, Вася. Прокладку, Дуся, вставляй.

Воду кто-то тебе все-таки качает.

Газ для кухни, чтоб еду сварить.

А как сварить, тебе Макаревич покажет.

И куда пойти сытому.

И что надеть. И как надеть...

И как сидеть за столом.

И где отметить праздник.

И смотри, смотри, смотри – у кого-то наводнение, смотри, как люди мучаются, – а у тебя ничего.

Смотри, смотри, как стреляют, пленных берут, по горам карабкаются, – а ты дома с семьей у государства лежишь, все это тепло наблюдаешь.

Смотри, смотри – голодают, страдают, болеют, а ты пива выпил и пультом перебираешь: голодного не хочу, смешного хочу. На! Петросяна – на! Регину – на!

Раньше лежал – показывали демонстрации, парады, съезды.

Сейчас лежишь – наводнения, аварии, грабежи.

Что интереснее?

Лежи, не вставай, я сам скажу: авария в сто раз лучше съезда.

Съезд – жалеешь, что не попал.

Авария – радуешься, что не попал.

И в наводнении не участвовал.

И в самолете не разбился.

Столько радости, сколько сейчас, никогда не было.

И тихо собой гордишься – нет, я умней, душу-радость вынь на стол. Я ловчее, я изворотливее.

Нигде меня не было.

Все взрывается, падает, горит – а я целый.

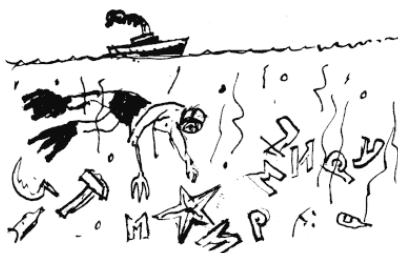
Со всеми извращениями познакомился, все повидал, ФСБ нагрязнуло, пленку развратную предъявило – а тебя там нет.

Баня, бабы, прокуроры, журналисты – а тебя нет.

Наслаждения не испытал, так и разоблачения не перенес, тряся большим белым животом над своей сотрудицей.

И в атаку как бы ходил, и стрельбу как бы слышал, а в плен не попал. В списках нет, в яме нет, в кровати есть!

Огромное счастье – видеть настоящую кровавую героическую жизнь и в ней не участвовать.

Наше лето

А лето прекрасно, как его ни проводи.

Что это за крики?

– Караул! Всемирное потепление!

Отчего вой?

Это же счастье!

Россия – первая страна, что выступает за всемирное потепление.

Эти, остальные, у кого лето каждый день, разволновались – перегревы у них.

Пусть остынут. Мы хоть согреемся.
Можете поверить, в разных странах, где я выступаю, нет гардероба в театрах.
Внимание!
Не пропустите наблюдение. Нет гардероба. Нет номерка. Нет галош, шуб, пальто, шинелей, бурок, тулупов, берданок, скрипа снега, воя шакалов – нет.
У них другой характер.
У них женщина раздевается за одну секунду сама.
У нас сама не может. Надо помогать. Как луковицу раздеваешь и плачешь.
А эти носки.
Эти портянки.
А эти дети в трех кашне, закутанные до состояния чучела на огороде.
При глобальном потеплении Россия разденется сама и в борьбе с бедностью выйдет на первое место. У нас ведь он не только бедный, он закутанный в три погребели.
Он очень много собственного валового продукта тратит на тряпки, чтоб ими замотать и поясницу, и шею.
А кальсоны?
Гений изобрел в борьбе с недоеданием и похолоданием.
При глобальном потеплении кальсоны пойдут на занавеси от солнца жаркого, январского.
А лом железный на Ямале в феврале можно будет поцеловать.
И воробьи будут петь в Верхоянске, и гуси, и люди, и птицы перестанут подыматься в теплые края, жалобно курлыкая на рассвете.
Нам надо, надо нам лето длить!
Нам надо, надо нам дыривить слой озона – аэрозолем, Аэрофлотом, весельем потным, водочным угаром.
Ибо судьбы обделили нас при большой дележке.
Нам лета дали только июнь и июль, когда под нами горят торфяные болота, а дым играет роль тумана.
А наш российский календарь?
Август – для траура.
Сентябрь – для дождей.
Октябрь – для революций. У нас все потрясения от холода.
Ноябрь – для парада. Чтоб топотом согреться.
Декабрь – для гиканья и пения в пургу.
Январь – для массовых прорывов в отоплении.
Февраль – для переброски чугунных батарей спец-лайнерами во Владивосток.
Март уходит в ожидании апреля.
Апрель уходит в ожидании весны.
Май – первые весенние морозы.
Июнь – кажется началом лета для всех, кто не привык к другому.
А ниже – то, что было выше.
Так вот, чтоб остановить наш человеческий поток на юг, чтоб предотвратить агрессию России на турецких пляжах и возведение звездами коттеджей во Флориде... (Мы не китайцы – там, где мы были, ничего живого может и не появиться.) ... для улучшения характера, для сбора трех урожаев апельсинов и ананасов в Новосибирском крае – мы начинаем массово сверлить аэрозолем озоновые дыры.
Всенародно таять льды.
Бить батареи.
В общем, делать себе лето.
И просьба не мешать.

Не лазить под кувалду.
Кому не нравится – прошу в Сибирь.

Новые времена, или Игра «Что? Где? Когда?»

Время наступило очень бодрое, молодое.

Время, когда можно все.

Кроме следующего.

Не доверять никому.

Не откликаться на свое имя.

Не оборачиваться на свист.

Не открывать дверь на звонок.

Не откликаться на стук.

Гостей сверять по документам.

Документам не верить.

Газетам не верить.

Смешному не доверять.

От грустного не плакать.

На крик «Стойте, вы выиграли автомобиль!» бежать, прятаться, сидеть, пока не стемнеет.

В темноте не выходить.

То же самое на крик «Получите приз – вот он, комбайн уже ваш – ну, бери!» – бежать, рвать когти, петлять и на крик «Куда ж ты, сука, бери комбайн, подонок!» постараться повысить скорость и снизить шумность бега.

Не вскакивать в автобус – там могут быть сообщники с деталями комбайна.

Даже удар по голове не заставит вас взять эту коробку.

К тому, кто вам скажет: «Я хочу вам сделать подарок ко дню рождения», – не поворачиваться спиной. Отойти на шаг, взять камень. Стать спиной к стене, шипеть: «Документы предъяви, гад...» Документам не верить...

При повторной фразе «Я все-таки хочу вам подарить ко дню рождения...» бить камнем... И опять рвать когти, метаться, громко звать милицию. При появлении милиционеров бежать еще быстрее и дальше, петлять между деревьями – они могут стрелять... Вам отвечать на огонь не надо – лучше молчать.

Мимо банка, который обещает шестнадцать процентов годовых, идите быстро, не оглядываясь. Лучше ехать на общественном транспорте – это будет быстрее, и пассажиры не дадут вам выскочить и оформить вклад.

Запомните: окликать на улице вас может только враг!

Не доверяйте голосу, который вам кажется знакомым. Пусть назовет свои приметы, потом ваши – после этого повесьте трубку.

В аптеку заходите осторожно. Лекарства надо тут же пробовать, чтобы не было фальшивых. Если стало плохо – все в порядке. Можете проверить: что бы вы ни принимали от импотенции, пока не поменяете женщину – ничего не произойдет.

Хотите, зайдите в избирательный участок и проголосуйте – результат, который будет, уже был.

Если видите надпись «Китайский ресторан», идите смело, там подадут то, к чему вы привыкли с детства.

Названия, конечно, у них свои – по-сычуаньски, по-кантонски, по-пекински, но это будет тот суп, и тот борщ, и то жаркое, и те макароны по-флотски, на которых с детства держится ваша гордость и независимость.

Китайскому ресторану можно доверять.

Все мы будем китайцами рано или поздно. Их дети даже от смешанных браков всегда китайцы.

Но перед тем как влиться в великий китайский народ, надо выжить в этом, о чем и трактует этот трактат.

Я не знаю, кто я

Я и не знаю, честная я или нечестная.

Меня посади квартиры распределять и проверяй.

А когда мне нечего украсть, может, я и честная.

Я и не знаю, добрая я или недобрая...

Вот будет, что дарить, – проверю.

Скупая или нескупая, кто его знает? Когда денег нет. Вот дай денег – и проверяй.

Вот может быть, я модница.

Вот мне сорок лет, а я так и не знаю.

Может, я бриллианты люблю носить, ну скажем, в ушах.

Может, цепь золотую люблю носить.

Может, я устрицы люблю!

Может, я вообще дизайнер?!

И сама могу расставить мягкую мебель и кухонный гарнитур, и бассейн украшу цветами прямо по воде.

Больше того скажу – может, я в Испании люблю отдыхать! На островах.

Представляешь – окажется вдруг.

С ума сойти!

Или забуду про семью, возраст, удачно выйду замуж, и окажется, что я в Израиле.

И окажется, что я очень люблю евреев.

И мне все равно, кто какой национальности, представляешь? А я вроде интернационалистка.

Может такое быть? Может!

При хорошей жизни может.

Дайте попробовать!

Специальным постановлением правительства.

«Пусть такая-то такая-то себя пробует на разных почвах, пока не расцветет».

Невозможно в нищете понять: добрый ты или скупой? Или дизайнер, или честный?

К большому сожалению, оно все проверяется, только когда есть деньги.

Вот беда ж: ни разу не видела, чтоб возле нищего толпа крутилась.

Он-то, конечно, щедрый, но копейки у него не выпросишь. Все крутятся возле тех, кто что-то имеет.

«Нечестный он, – кричат, – жадный, наше всё украл!» Наверное.

Когда у тебя ни черта нет и не было, не поймешь, что у тебя украли.

И где оно все лежало.

И почему ты сама не украли, если он у тебя украл?

Если ты всю жизнь своими глазами видела, что у тебя нечего украсть.

Вот поделиться – он должен, вот тут правильно говорят.

А ворует, рискует и страдает пусть сам один.

Кто это?!

Кто-то тебе звонит и грубо сразу:

– Кто это?
Как только ты ему так же: «А это кто?..» – он пропадает.
То есть он, сволочь, знать хочет, а отвечать боится... Ты, сволочь, сам кто?
Кто сам – я спрашиваю!
Я тебя, сволочь, знать хочу...
И всё! И молчи!
Я бы тебе сказал – кто я!
Но у тебя, гада, жизни не хватит слушать...
Умрешь, если я отвечу!
Предки твои перевернутся, дети перестанут расти, жена опухнет.
Это если только я скажу – кто я!
А если покажу...
А ты правильно струсил!
Потому что – кто ты?
Я спросил:
– А это кто? Кто это? – запытав я.
Честно! Без подвоха! Без булды.
Просто с отвращением осведомился:
– А ты кто?
И ты пропал. Ты сгинул. Для тебя это вопрос непереносимый. От каждого, кто честно спросит: «А ты кто? Кто ты?», ты – тикать.
Потому что нет у тебя для нас ответа!

«Я пишу...»

Я пишу. Он меня лепит. Третий его рисует. Четвертый третьего лечит. Пятый мерку снимает с четвертого, который третьего лечит, который второго рисует, который первого лепит, того, кто все это пишет.

Да, чуть не забыл – пятому все хамят, а первый страшно гордится. А третий пьет беспробудно.

И всех их имеет в виду правительство, борющееся с инфляцией.

«Прибыл корреспондент из Томска...»

Прибыл корреспондент из Томска.

У них в Томске холодно, голодно. В реку спускают какой-то фенол, так что и пить нечего, только соки, которых у них нет.

На улице ни одной дубленки и все веселые, все смеются, улыбаются.

Москву любят. Обожают приезжих.

Спрашивают, как живут в других местах.

Так ли там холодно, голодно и весело.

Так же ли там любят приезжих из Москвы.

Так же ли там спрашивают о том, как живется в других местах.

И так же ли там холодно, голодно и весело.

И где нравится самим приезжим из Москвы.

Защита прав потребителей

Да... А как же... Конечно. Если вы, как покупатель, видите неоправданно высокую цену на выставленный на витрине продукт, вы можете потребовать накладные, ценники. Вам обязаны предоставить оптовые цены. Вы вправе затребовать отчетность о прибылях. Вам обязаны предоставить необходимые цифры для ваших расчетов. Вы вправе затребовать сертификат качества товара на родном для вас языке. В случае отсутствия такового вы вправе затребовать переводчика и в его присутствии вправе вызвать директора либо хозяина магазина. Далее вы вправе вскрыть витрину, изъять товар повышенной цены. В случае несогласия работников магазина вы вправе вызвать их в то медицинское учреждение, где вы будете находиться, со всеми документами строгой отчетности для дальнейшей проверки.

Как член общества потребителей вы имеете полное право и находясь на инвалидности затребовать необходимые ценники. А в случае утраты вами зрения и слуха ваши родственники имеют полное право требовать оглашения сроков поставки и сертификатов качества продуктов питания.

И даже в случае последующей утраты вами трудоспособности ваши соседи по вашему поручению могут обратиться в дирекцию с требованием выдачи необходимых ценников и накладных.

И даже в случае потери и ими трудоспособности их родственники или соседи по их поручению могут взять на себя проверку цены и качества продуктов и питьевых товаров.

А в случае потери кормильца их дети унаследуют от них право любых проверок потребляемых ими товаров и новостей.

Нам известны случаи, когда далекие потомки первых потребителей требовали от соответствующих поколений торговцев удовлетворения своих прав.

Это получило название «кровная защита потребителя» и закончилось в 1986 году в предгорье Эльбруса, где последний потребитель встретил последнего оптовика.

Так что требуйте, вызывайте, настаивайте.

На большей территории России облачность, температура в Москве плюс десять-двенадцать градусов.

Катер «Варна»

Одесса. Аркадия. Безлюдный причал

Внимание! Ровно в восемнадцать ноль-ноль катер «Варна» отойдет в Одесский порт.

Внимание! Сейчас семнадцать пятьдесят пять. Ровно в восемнадцать катер «Варна» отойдет.

Поторопитесь...

Дамы, не разговаривайте, торопитесь.

Сейчас ровно восемнадцать и ноль-ноль.

Дети, торопите родителей.

Не создавайте давку во время отхода. Грузитесь раньше. Посадка идет полным ходом. Осторожнее на трапе. Беременных и инвалидов пропускаем вперед.

Сейчас ровно восемнадцать ноль-ноль и семь минут.

Мы вот-вот отойдем. Даже если вы не успеете.

И не надо кричать, толпиться и бросаться вслед – можно попасть под винты.

Мамаша с внучкой – четыре гривны до порта Одесса.

Перестаньте прогуливаться, вы задерживаете остальных. Берите билеты и грузитесь. Нам уже надо отходить, спешите быстрее.

Граждане, ровно в восемнадцать двадцать мы можем отойти, и мы отойдем. Какая свадьба без морской прогулки? Немедленно сюда! За четыре гривны вы увидите побережье, море, морской порт и, если захотите, вернетесь обратно с нами же.

Дети, объясните своим родителям, что ровно в восемнадцать тридцать мы отойдем и в давке многие пострадают.

Граждане, ввиду наплыва желающих, рейс может быть перенесен на девятнадцать ноль-ноль.

Осталось всего полчаса.

Внимание, ровно в двадцать ноль-ноль катер «Варна» отойдет.

За четыре гривны вы увидите ночной берег, лунную дорожку, красоту огней ночного порта. Поторопитесь.

Ровно в двадцать ноль-ноль катер «Варна» отойдет от причала.

Не бегите, не ломайте ноги, мы ждем, ждем. Осторожнее на трапе. Вас ожидают бар, туалет, дискотека.

Граждане Одессы и гости нашего города! Ровно в шесть утра катер «Варна» отойдет.

Вы увидите утренний берег, солнечный восход, красоту Черного моря.

Заказывайте билеты.

За три гривны вы увидите утренний порт и пляжи города.

Внимание! Граждане Одессы! Приятная новость.

Принято государственное решение установить катер «Варна» на постоянную стоянку в Аркадии.

Экипаж катера овладел широким набором музыкальных инструментов, в машинном отделении мы проводим лечение энуреза, глаукомы, гипертонии и бесплодия. Женщины, заказывайте все виды массажа.

За одну гривну вы получаете внешний вид Аркадии одновременно с массажем сзади.

Отход катера намечен на двадцать ноль-ноль шестнадцатого ноября 2001 года.

На катере работают зубоорачебные и педикюрные кабинеты. На носу открыт музей истории развития бизнеса в Одессе.

Самолет

Пилот пробежал по самолету и скрылся в хвосте. Потом выскочил:

– Граждане, отвертка есть? Нет? Пассажиры называется.

Бросился обратно. Из кабины выскочили двое с ведрами:

– Без паники, без паники!

Побежали за ним.

Стюардесса с криком «Нет, ты этого не сделаешь!» заперлась в туалете.

За ней вышел солидный мужчина:

– Граждане пассажиры, я командир корабля, не волнуйтесь, всё в порядке. Я командир. У меня простой вопрос: кто-нибудь может посадить самолет? Не стесняйтесь. А попробовать – нет желающих? Может, кто-нибудь видел, как это делают, нет? А стюардессой кто-нибудь работал? А санитаром? Странные у нас сегодня пассажиры. Ну ладно, извините, не волнуйтесь. А вот это, простите... Может, у кого-нибудь компас есть? Нет, девочка, плакать не надо, а поискать стоит. Тоже нет? Что это с вами сегодня? Что я ни попрошу... А карта вот этого маршрута? Ну, которым мы летим? Хотя бы автомобильных дорог? И дорогу наизусть никто не знает, да? Что ж вы приперлись? Извините...

Его сзади затягивают в кабину.

– Да нет, я просто выразил удивление, как они такие неподготовленные. Ну всё, всё, всё. Извините, в душу... Извините, мать так...

Скрылся в кабине.

Оттуда:

– А как ты взлетел?

– Откуда я знаю?

– А удостоверение твое?

– Мое, конечно.

Высунулся командир:

– А простая веревка бельевая у кого-нибудь есть?.. Нет-нет, галстук не подойдет, нет, веревка нужна. Что за пассажиры?! Как можно быть такими безалаберными?! Ну всё, всё, ищите веревку. Зоя, иди поговори с ними.

Вышла расстроенная стюардесса, заметила пассажиров.

– А вы все куда летите?

– В Новосибирск.

– Ну если туда, это еще часа три лететь. Кто-то хочет чаю? Только один, один кто-то, один.

Из хвоста вылетел второй пилот:

– Клейкую ленту, быстро, быстро, есть? Клейкая лента? Нет?

Из хвоста донеслись удары.

– На меня давай! Еще! Еще! Бей сюда!

В салоне потух свет.

Снова выскочил пилот:

– Пассажиры, свечи нет? Лампада? Фонарь? Ну хотя бы керосиновый? А спички? Зубочистка? Давай зубочистку. Что у тебя руки дрожат? Пассажир называется. Ты вообще к полету не готов. Иди на место, сосредоточься. Всё, сейчас будем садиться. Только без паники – в кабине все слышно. Полная тишина! Хотя бы один прибор, а? Черт... Дайте мне обыкновенную сапожную щетку! Ну заколку для волос!.. Вот скрепка – давай! О, чудо – подошла! Как раз! Всё, тишина, будем садиться. Будем использовать третий закон Ньютона. Первые два, суки, не сработали, представляешь? Только не кричать мне, пойте что-нибудь. Сейчас, сейчас. Так, руку, руку отпусти! Держи меня, поддерживай. Так, вот эту педаль, давай-давай, вместе ждем. Так, левую... Хорошо... Есть... Есть!.. О!.. Есть!.. Душу... Мать... Есть! Всё! Земля! Сели! Всё! Поздравляю! Сейчас глянем, что за город...

Пассажиры:

– Воронеж.

Пилот:

– Ну хотя бы... Полет... бога мать... окончен. Экипаж... бламс... блямс... бламс... благодарит вас за то, что вы вы... вы... выбрали нашу компанию... Спасибо.

Наши изобретения

1. Ворота, открываемые матом.
2. Книга, задвигаемая животом.
3. Горячая вода, отключаемая летом.
4. Мат от руки на километровом заборе.
5. «Мерседес», толкаемый женой для заводки.
6. Мясо, расфасованное с мухами.
7. Лекарство без названия и срока.
8. Ребенок как метод получения квартиры и выхода на волю.
9. Доллар как фотография.

10. Водка как зарплата.
11. Глава семейства, греющий печь своим телом.
12. Дети, не помнящие родства.
13. Глубокая старость в 57 лет.

«Как переменялось время...»

Как переменялось время.
Был закон: третий лишний.
Третий должен уйти.
Сегодня третий уже не должен уходить. Третий не лишний.
Он кормилец.
Вторые меняются.
Третий – на всю жизнь.

* * *

Любого строителя вызови в суд – он бросится в бега.

* * *

Настоящий прагматик высматривает блюда не в меню, а на столах.
Вещи не в магазинах, а на людях.
Книги на руках.
И врачей выбирает по выздоравливающим.

* * *

Хорошо жить в Ялте – все новости, пройдя через горы, являются тихими, светлыми, вполне доброжелательными.

* * *

Стыд она уже преодолела. Осталось научиться петь.

* * *

В куске торта записка с жалобой: «Три месяца мы не получаем зарплату».

* * *

Внимание! Передаем срочное сообщение ИТАР-ТАСС о новой экономической программе Правительства России. Как стало известно корреспонденту ИТАР-ТАСС, о новой экономической программе не известно ничего. Мы передавали срочное сообщение ИТАР-ТАСС.

* * *

Наша страна напоминает катящуюся бочку. Она катится сама по себе.
А все вокруг прыгают, объясняют.
Рядом бегут.
Рулят даже.
Тормозят даже.
А потом плюют и кричат: «Спасайся!»

* * *

После выборов так и хочется бегать по стране с криком:
– Товарищи! Господа мужчины! Ну давайте попробуем осуществить то, что он нам обещал! Ну пожалуйста! Он же один не сможет. Ну пожалуйста, вот вы, молодой человек... А вы... Ну пожалуйста. Он же нам обещал. Давайте попробуем.

* * *

Наша демократия – это светофор, где горят три огня сразу!

Бизнесмену

Делай то, что говоришь.
Но не говори, что делаешь.

* * *

Я могу бесконечно разоблачать тех, кто живет богато. Лишь бы это как-то бедным помогло.

* * *

На том свете, в раю, все говорят по-английски. Учите!

Наши люди

«И спрашивают нас...»

И спрашивают нас – нам доверять можно?

Мы говорим – нет.

Хотите ли вы сами проверять себя?

Мы говорим – нет.

Хотите ли вы сами помогать себе?

Мы говорим – нет. Мы не доверяем себе.

Можно ли верить избранным вами?

Мы говорим – нет.

Можно ли доверять им вашу пищу и одежду?

Мы говорим – нет.

Пусть со стороны придут распределять вам?

Мы говорим – нет.

Пусть со стороны придут учить вас?

Мы говорим – нет.

Чего бы хотели вы?

Пусть скажут нам.

Пусть люди, которым мы не доверяем, объяснят и ведут нас.

Что мы делаем для того, чтобы у людей, которым мы не доверяем, было что-то?

Они возьмут сами – говорим мы.

Пусть объяснят, куда идти.

Пусть не ведут молча.

Всем, кому должны, мы говорим – не давайте нам.

Где власть кончается? На нас.

Мы посередине сидим. Нас видно.

Кем хочешь быть, дед?

Наша страна – подросток.

В чем секрет нашей молодости?

Другие давно работают по специальности, а нас до глубокой старости спрашивают:

– Кем хочешь быть, дедушка? Коммунистом, патриотом, демократом?

– Космонавтом, – шамкает беззубая радость.

Все вокруг давно учебу закончили, а мы все перед объявлением стоим.

– Кем хочешь быть, бабуля? – спрашивает внук.

Этот коммунопатриотизм как юношеские прыщи на старческом лице – выводись, выводишь, а они есть и есть.

Все хотят жить равно, счастливо и долго, но ни у кого ни разу не получилось.

Как вечный двигатель. Как ни пробуют, как ни конструируют, а вместо счастья и братства – хамство и нищета. А вместо равенства – то один владеет всеми, то вдвоем. И ни правду сказать, ни пером описать.

Конечно, и держава есть, и ээки канал роют. Хорошо, если будешь смотреть, а если рыть?

«Не хочу свободным быть: обманули, обокрали, ободрали!..»

Но, дед, все взрослые так живут. Ну следи за собой, чтоб не обманули. Ну не верь банкам и их процентам. Воюй. Вырывай у власти власть. Вырывая друг у друга, устанавливаем равновесие контроля над государством. У тебя этого никогда не было. За эти тринадцать лет ты стал умнее на сто.

«Да! – кричишь ты, – кого бы мы ни выбрали, все воруют. Все думают о себе».

Вот видишь, а ты с ними говоришь о коммунизме.

И милиция с воров находит общий язык, потому что она с ним работает. Она с ним по 15–20 лет вместе. Он у нее сидит. И кто кого воспитывает, неизвестно!

И министры толстеют прямо на экране. Меняют размер на глазах. И прокурор в экран не влезает, и генерал – и все это на нищенской зарплате.

– Почему все выбранные повально думают о себе? – спрашиваешь ты.

Тот, кто идет во власть, уже думает о себе. Это свойственно энергичным и слегка бессовестным. Во-вторых, пора перестать этому удивляться. В-третьих, власть не должна иметь такую власть, чтоб не осуществилась их мечта о власти.

Для этого и нужна свобода и наша борьба за равновесие контроля. И оценку всему давать в деньгах, а не в пользе для народного дела.

Деньгами, деньгами оценивать мастерство, физическую силу, громкое имя, ураган.

Тогда мы все четко сможем подсчитать. Для этого изобретены компьютеры. А при коммунизме они не нужны, там все цифры выдуманные. И счастливая жизнь там начинается по объявлению, а не по факту. И максимум, что может появиться в доме, – это килограмм сахара, а не перспектива, и достигать нечего, если не считать женитьбы ради талона в магазин для новобрачных. Так что подумай, кем хочешь быть, старик, и скажи всем, пока не умер.

Сделка в Костроме

Одесская скороговорочка

Блатная быстрота себе на пользу, на тугоумие, враждебное всему.

Хотят надуть.

Все правильно.

Вот только не хотели, но после разговора поняли – что нужно.

Скороговоркой. Забили.

Три объяснения скороговоркой.

Словами «депозит», «кредит», «износ моральный», «лизинг», «холдинг».

Показы образцов. Открытый рот.

Надежда с паникой.

– А ну, попробуй разорвать.

– Дай я.

– Вот он пусть разорвет.
– Ага. Хоть трактором. Тяните. Ничего.
– Да ладно.
– Ну не ладно. А завод! И сами будем выпускать. Скороговоркой – техусловия и мельком – чертежи.
Кредит в Лионском банке.
Наши реквизиты.
Беда пришла-ушла.
Осталась.
Сроки платежей.
Отгрузка кабеля.
По адресам.
Ни кабеля, ни адресов.
Пароходы на сушу не заходят.
Под либерийским флагом.
Танкер сел на мель, и даже на мели не знают, о чем речь.
Канаты танкером?
Какие образцы?
Здесь инвалид, квартира частная.
Какая Кострома?
Давно в Израиле.
Он врач. Какие кабеля?
Контракты. Лизинг. Холдинг.
Гриша, кто эти люди?
Сто тысяч долларов.
А хоть бы миллион.
Давайте в арбитраж.
А вы где были двадцать пятого?
Я в реанимации, проверяйте. Хотя меня там видели врачи.
Я там по пятницам на мононуклеозе.
Да, почка. Но-шпа. Эпштейн-бар. Огромная больница.
Опять скороговорка.
Не проверишь.
Просили повторить.
Еще быстрее.
Остались в Костроме.
При образцах, контрактах, сроках.
Задолженность покрыть просили президента.
В предвыборной борьбе покрыли.

Свобода!

Только что перестали мучиться, как снова мучиться начали.
Какая жизнь была. Были санатории, была медицина, но не было лекарств, не было магазинов.
Сейчас есть лекарства, но нет медицины, есть магазины, но нет санаториев. Есть поездки, но нет пайков.
Вот беда.
Так мы и мечемся между двумя певцами.

У одного нет голоса, у другого нет слуха.
И мы бегаем туда-сюда: как их соединить?
И верим кандидату, который говорит: «Вот выберете меня – я вам их соединю».
И ведь выберем!
Я нас обожаю!

Вы запретите, тогда мы скажем

- Говорите.
- Вот вы запрещаете.
- Нет... Не запрещаем. Говорите.
- А почему запрещена такая вещь?
- Не запрещена. Говорите.
- Как говорить, когда запрещено?
- Не запрещено ничего. Говорите.
- Вот когда вы запрещали... Я помню.
- Уже не запрещаем. Что вы хотите сказать?
- Не запрещаем – сказать легко... А вот я помню, мне запретили.
- А кроме воспоминаний, у вас ничего нет?
- А вы запрещаете воспоминания?
- Нет.
- Так вот, когда мне запрещали, я любил говорить.
- Послушайте, а вы можете что-то сказать без упоминания запретов?
- А мне что, нельзя про запреты?
- Нельзя.
- Ага, вот это другое дело. Ваши запреты – это такая тупость. Вот вы думаете, что заткнули рот талантливому человеку. Но он все равно прорвется.
- Уведите его.
- Его голос будет слышен отовсюду. Вы не заткнете мне рот. Наши рты открыты. Вольное слово рвется сквозь зубы, вырывает решетки... И поднимает над миром знамя свободы!
- Вот это другой разговор.

Скоро будет хорошо

Нет, нет, нет.
Говорят, что скоро будет хорошо.
А чуть позже будет очень хорошо. Нет, нет, нет.
Это правда.
Клянусь.
Они так сказали...
Я их не знаю.
Но солидные люди.
Один просто в шубе и бороде.
Двое в шинелях и сапогах.
Они и слушать ничего не хотели – будет хорошо, и всё.
И скоро...
И всё...
А попозже вообще будет хорошо.
А еще чуть попозже – очень хорошо, и просили заткнуться и больше их не спрашивать.

Один просто автомат вынул из-под шубы и в воздух дал. И все поняли.
Ему надо верить.
И поверили...
Теперь никто ничего не ждет.
Уверены, что уже хорошо.
Парочку меланхоликов прибили сами.
Сейчас идет сбор продуктов для отрядов особого назначения.

Распространение марксизма

Вот жизнь наступила. Похвастаться уже некому. Пожаловаться – еще есть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.